

Чо Цзинь Кай проклинал своего никчемного полуживотного целителя за тупость, никчемного идиота, который не мог должным образом выполнять свою работу. Раны на лице Кая зажили хорошо, но его рука словно горела после того, как она срослась, боль была почти невыносимой. Даже малейшего дуновения ветерка на его обнаженную кожу было достаточно, чтобы заставить его пошатнуться в агонии, так что носить одежду было очевидно невозможно. Его плащ был обернут вокруг его обнаженной груди, его слуги держали ткань так, чтобы она не терлась о его руку, когда он стоял перед ненавистной полуживой сукой Аканай. Дикарка даже не соизволила воспользоваться командным шатром, проведя встречу в шатре целительницы.

Это было полное унижение, его часовые с треском провалили свои обязанности, Оскверненные каким-то образом сумели заставить лагерь врасплох. Беспольные Северные солдаты, он потерял почти весь свой отряд войск, 12 000 погибших, включая десяток младших офицеров. Это была еще одна черная метка на его военном послужном списке в дополнение к его провалу в лагерях. Хуже того, он потерпел унижительное поражение в единоборстве, хотя и от самого свирепого Оскверненного воина, которого он когда-либо встречал, он унижился попросив помощи у майора Вишира.

Посыпать солью его раны, как будто сам Маршал затаил на него обиду, и освободить его от командования могла только Аканай, а женщина даже не взяла с собой его войска, оставив их на Севере. Она сидела на своем звере, молча читая отчеты, а он стоял по стойке смирно, ожидая, что она будет насмехаться над ним, унижать его еще больше.

Спустя вечность она наконец заговорила.

- Куда они отступили? - она даже не потрудилась поднять голову, чтобы посмотреть на него, и, что еще хуже, у него не было ответа. Откуда ему было знать? Они бежали ночью, пока он лежал раненый, его кожа таяла, глаза были повреждены, рука отрублена, и его командование было сокращено до одного полевого офицера, майора Вишира.

- Они двинулись на запад пешком два дня назад. Мы потеряли большую часть лошадей и разведчиков, так что с тех пор мы не можем их выследить, - Вишир ответил генералу. Майор заслужил неохотное уважение Кая за то, что тот спас ему жизнь, но все это было мгновенно потеряно, когда он жалкий лежал на своей койке, наблюдая, как полуживотный выслужился перед ним. Обидно, что чертов Чемпион не снял голову Вишера с плеч, только сильно поранил майора.

- Собирайте вещи, мы немедленно перемещаем лагерь. Оскверненные напали здесь один раз, и я не буду сидеть сложа руки, чтобы они могли напасть снова, - хм, сука имела наглость оскорбить его, сказать, что его выбор остаться был неправильным? Что еще он мог сделать? Слишком много раненых, чтобы двигаться.

- Все, кто не может сражаться и все, что не может нести один солдат, должны быть возвращены в Шэнь Хо вместе со всеми повозками, - что? Его палатку увезут на повозке! Как она смеет ожидать, что он будет спать на земле, как какое-то животное? Нет, надо успокоиться, найти равновесие, не позволяй ей ввергнуть себя в отчаяние. Он глубоко вздохнул и сосредоточился на своих эмоциях.

- Майор Вишир, вы поведете конвой обратно в Шэнь Хо и доложите Магистру. Назови ему мое имя, он позаботится о твоих ранах, - еще одно полуживотное, позор во власти, Север тоже был потерян.

- Генерал Кай, разбейте лагерь и следуйте за старшим капитаном Альсансет и ее дивизией в новый лагерь.

Не в силах больше сдерживать свой гнев, он ударил неповрежденной рукой по карте.

- Вы хотите, чтобы я присматривал за лагерем и выполнял приказы старшего капитана? Ты знаешь, кто я? - дикарка, вероятно, даже не могла читать, играя в стратега.

- Конечно, знаю. Я также знаю, чего вы стоите, и беспокоюсь за безопасность лагеря, но сейчас я не могу держать вас за руку. Вам даны были приказы. Уходите сейчас же, пока я не вышла из себя, - она посмотрела на него, и вдруг он едва смог дышать, ее пристальный взгляд душил его, душил его своим Ци, гасил его ярость. Демонстрация силы, но Кай страдал и еще похуже. Фыркнув, он повернулся и ушел, позвав своих слуг и приказав солдатам начать собираться. Если бы не полуживотный Северный Маршал, вряд ли Аканай когда-нибудь стала бы лейтенантом, а тем более генералом. Вся эта провинция была захолустьем и должна была сгореть дотла много лет назад.

Варвары сидели вокруг командного шатра, вероятно, они слышали шум. Он огляделся, осмеливаясь ухмыльнуться, надеясь показать пример, но они относились к нему, как будто не обращали на него внимания, игнорируя его взгляды. Осматривая массу немытых животных, он заметил знакомое лицо.

- Сон! Что ты здесь делаешь? - его гнев усилился, когда он пошел к своей рабыне, которая молча сидела на одном из зверей, страх в ее глазах был очевиден. Он оторвал ее от животного, она попыталась вырваться из его объятий, когда он зашипел на нее.

- Успокойся, рабыня! Отвечай! - он ослабил хватку хватку, чтобы она могла успокоиться, она отпрянула от него, молчаливая и испуганная. Раздраженный ее неповиновением, он шагнул к ней, намереваясь покалечить червячка и позволить ей ползти обратно к Яньтай. Он тратил на нее время и золото, покупал ей все, обучал, даже покупал духовное оружие. Она была инвестицией для его сына, так что у Ток был подходящий слуга и телохранитель. Когда все его усилия были унесены варварами, он был близок к безумию, его ярость начала его сжигать.

Он остановился, когда полдюжины копий нацелились на него. Он внимательно их изучил и, заметив, что никто из них не имеет звания полевых офицеров, прорычал: "вы, солдаты, блин, смеете? Наставить оружие на офицера Императорской Армии равносильно измене. Я вас всех арестую за это."

Болтливый коротышка засмеялся, тот самый маленький ублюдок, который унижил его в ресторане.

- Я с удовольствием посмотрю, как вы умрете, генерал. Коротышка сидел рядом, с набитым сухим пайком ртом, наблюдая за происходящим, -попробуй устроить хорошее шоу, - Кай посмотрел на мальчишку и поклялся убить его самым ужасным способом. Только тогда его гнев будет утолен, а разум восстановит равновесие.

Заговорил другой варвар: "Действует военное положение. Нападение на солдата в поле карается по усмотрению Юстицией или Судьей в суде." Он смотрел на женщину, разговаривавшую с ним, и его глаза были прикованы к ее ушам. Оранжевые в черную полосу, с пучками белого меха, подлинная полу-тигрца. Он начал изучать ее всю, приятное, круглое лицо с миндалевидными глазами, она почти могла сойти за человека, если спрятать уши и хвост. Она была полной и подтянутой, приятной на вид, с пышными грудями и изгибами, ее каштановые волосы блестели в утреннем сиянии, красота, которая легко обойдется ему в 10

000 золотых, если ее купить. У нее даже было свое духовное оружие и звание старшего капитана. Кай сразу же решил, что она будет принадлежать ему.

Очистив свои мысли, он сузил глаза, глядя на полу-тигрицу.

- Я не нападал ни на одного солдата, Сон - рабыня, вот и все. Я требую, чтобы мне вернули мое имущество, или я закую вас всех в цепи перед Юстицией, - ему нравилось смотреть, как она смотрит на него, и он мечтал обладать ею, живой, дерзкой девушкой. Сон могла быть подарена маленькому Току, Кай все равно устал от нее. Сон придет сломленная духом, но эта новая рабыня более решительная, и он будет рад приручить ее, обучая ее пути цивилизованного мира.

- Ли Сон - это Хишиг из Бекхая. Еще раз тронь ее хоть пальцем, и я убью тебя сама. Это обещание, генерал.

Кай рассмеялся над идиоткой полуживотным.

- Вы осудили себя своими словами. Угрожать старшему офицеру из-за раба? - он повернулся к солдатам в своем командовании, - арестуйте ее. Мы вернем ее в Шэнь Хо, чтобы найти справедливости.

- Отставить, - Аканай вышла перед командным шатром, ее ледяной холодный взгляд снова остановился на нем, - если у вас есть претензии к одному из моих офицеров, то вы приведете сюда судью для решения этого вопроса. До этого времени у вас есть приказ. Поскольку у вас, кажется, есть проблемы со старшим капитаном Альсансет, тогда вы последуете за рядовым Дагеном. Старший капитан Альсансет, у вас есть отряд. Свободны.

Так что полу-тигрица была Альсансет, отвратительное имя. Кай усмехнулся, бросив на нее последний взгляд перед уходом. Голос Аканай раздался позади него.

- И если ты еще хоть раз дотронешься до одного из моих Хишиг, я выпотрошу тебя и брошу на съедение воронам, - хм, они все дураки, что угрожают ему. Если бы его рука не была повреждена, он бы бросил вызов этой проклятой полу-тигрице и сильно избил ее, дав ей почувствовать, что с не будет в дальнейшем. Ему придется переименовать ее во что-то более подходящее, цивилизованное.

Хишиги быстро уехали, рассеянные и в замешательстве - позорное проявление дезорганизации. Никакой дисциплины, никаких формирований, только разбросанные небольшие группы, бегущие навстречу врагу. Это не удивило его, так как дисциплина была чертой человека, а эти дикари едва ли достойны этого звания. Они оставили ему эскорт из десяти конных Хишигов, каждый из которых ждал на краю лагеря, когда приготовятся солдаты, во главе них стояло дикое волосатой существо.

Лая свои приказы, он принялся готовить свои войска и собирать лагерь, недовольно ворча сам себе при мысли о необходимости ехать к следующему пункту назначения, вероятно, от боли из-за толчков своего коня. Войска его наставника скоро придут, после чего он будет освобожден от службы здесь, на Севере. Затем он мог бы помочь им арестовать Аканай и Альсансет, а также убить этого маленького болтливого ублюдка.

Альсансет чуть не дымилась, когда уезжала, она была в ярости от ее неспособности действовать. Резкий взгляд Аканай говорил о многом, молчаливый выговор напоминал Алсансет, что они еще требуют, чтобы генерал командовал присутствующими солдатами. Без него Аканай осталась командовать лишь пехотой, что ограничивало ее преимущество а предстоящих боях в лесу. Даже если майор Вишир будет достаточно здоров, чтобы принять командование, Альсансет все равно не сможет ничего сделать с Каем, ее слова подстегнули ее гнев. Генерал был вершиной ранга, доступного тем, кто не имел навыков командовать, и это было невозможно, что Чо Цзинь Кай получил ранг без силы, независимо от его связей. Человек может быть некомпетентным командиром, но победить его будет непросто.

Повернувшись к Сон и погладив ее по голове, когда она проезжала мимо, она успокоила дрожащего ребенка.

- Не волнуйся, Сон, этот человек больше не может причинить тебе вреда, я не позволю, - девушка всегда молчала, но глаза ее говорили о многом, она была благодарна за ее слова, но боялась надеяться. Взрослая девятнадцатилетняя девушка, Сон во многом была еще ребенком, и большая часть вины за это лежала на плечах генерала Кая.

Если бы только Альсансет была сильнее. Когда-то она была гордостью деревни, но последние пять лет она учила детей и воспитывала семью, не имея возможности уделять достаточно времени своему личному обучению. Хотя когда-то она была ровней Герелю, слух о его достижениях привел ее в уныние, она поняла, что ее давно превзошли. Альсансет даже не была уверена, что сможет убить хоть одного Демона, а Герел убивал их так просто, как ошпыливал цыплят. Теперь она занимала такое же положение, как и он, и знание того, что она этого не заслуживала, полностью выводило ее из себя. Она не жалела о том, как провела время, последние несколько лет были самыми счастливыми в ее памяти, наблюдая, как растут ее дети, как Рейн превращается в великолепного воина, она проводила время с мамой и любимым. Ей только хотелось, чтобы у нее было больше времени, чтобы она также могла тренироваться как воин, чтобы быть достойной звания старшего капитана. Папа десятилетиями сражался в качестве капитана и был намного сильнее ее, когда его повысили в звании. Ей было стыдно, она не была достойна такой чести, но Аканай настаивала, утверждая, что она нужна.

Альсансет плохо подходила для командования, тонкости руководства вызывали у нее бесконечные разочарования. Она предпочла бы быть рядом с Рейном, оберегать его, пока он будет атаковать линию фронта, наблюдая за его флангом, но вместе с ее рангом пришла ответственность за других, не только за Рейна, но и за другие тысячи жизней под ее командованием, число которых только уменьшилось с тех пор, как она начала руководить. Все ее внимание было сосредоточено на том, чтобы сохранить своих солдат живыми, и она не могла тратить время на личную безопасность Рейна, рассказы о том, как он сражался пешком с армией, заставляли ее беспокоиться и волноваться. В конце дня, когда ей докладывали и Стражи были под присмотром, только тогда она могла быть эгоистичной и спросить о его состоянии, и рассказы о его подвигах заставляли ее задыхаться от страха.

Несмотря на обстоятельства и на его глупую храбрость, Альсансет гордилась достижениями Рейна, ибо нельзя было отрицать, что он был великолепным воином. Это было результатом его тяжелой работы и самоотверженности, ценой друзей и неторопливой деятельности. Рейн почти все дни тренировался до изнеможения, причиняя себе боль снова и снова, только для того, чтобы учиться при свечах глубокой ночью. Все ее попытки отговорить его от столь напряженной работы были встречены улыбками и заверениями, а на следующее утро он снова отправлялся на тренировку.

По правде говоря, она долго не настаивала на своих возражениях. Хотя она никогда не говорила об этом вслух, Альсансет мечтала, что, когда она вернется, чтобы поехать с папой, там будет и Рейн, их счастливая маленькая семья, защищающая империю вместе, распространяющие свои имена по всей земле, Папа командовал бы, а Рейн исцелял. Затем, через несколько лет после этого, двое ее детей присоединились бы к ним вместе с ее возлюбленным, три поколения семьи ехали вместе под знаменем. Эта мечта казалась с каждым днем все ближе, Рейн наконец-то смог собрать плоды своих трудов.

Рейн был впечатляющим против Общества, но как только он присоединился к войне, его сила, казалось, резко возросла, его отношение также изменилось. Простые солдаты говорили о нем и о сыне Магистра с придыханием, Рейн считался Восходящим Драконом стоящим на переднем крае следующего поколения героев. Они говорили о том, как он бесстрашно сражался, подавая пример, убивая, не моргая, шагая по полю боя, бросая вызов Оскверненным Чемпионам в одиночном бою и возвращаясь избитым и окровавленным, но каждый раз с победой. Пять Чемпионов за три дня, его подвиги дойдут до ушей Маршала, возможно, даже принесут ему звание. Генерал Мен Джиао лично говорил с Аканай о его достижениях, об успехах и энтузиазме Рейна.

Подумать только, все это началось, когда Аканай привела его в Шэнь Хо, новость о том, что Рейн, наконец, проявил интерес к чему-то, кроме обучения, заставила Альсансет чуть не упасть в обморок от радости. Быть Стражем было почетным призванием, где он мог заводить друзей и товарищей по разуму, и если он хотел стать боевым целителем, то требовался боевой опыт. Разлука длиной в месяц была для нее мучительной, а когда он вернулся так тяжело раненный, она была так расстроена, что почти попросила его отказаться от мечты о силе. Она даже зашагала в кабинет Аканай, ругая старуху за то, что она не позаботилась о своем драгоценном маленьком Рейне. Это была большая и ужасная ошибка, которую она надеялась никогда не повторять. Неудивительно, что папа был таким послушным, когда Аканай была рядом.

Они ехали до утра, пока не достигли заранее определенного места для лагеря - травянистого холма с ручьем на востоке и юге и горами на севере, - вряд ли Оскверненные смогут застать их здесь врасплох. День прошел быстро, и Стражи под ее командованием подготовили лагерь, построив насыпи, чтобы скрыть пожары, и частоколы, чтобы препятствовать любым обвинениям Оскверненных зверей, а также растяжки и скрытые шипастые баррикады. Пехота присоединилась к ним с наступлением темноты, солдаты выглядели уставшими и измученными, они не привыкли маршировать по лесам. Скорее всего, их использовали для охраны лагеря, в то время как Аканай вела своих Стражей через лес утром, отслеживая врага.

Как только она нашла свободное время, Альсансет направилась к Рейну, наблюдая за ним на тренировке. Он выполнял Иволги, Трепещущие Капли Дождя, серию быстрых и резких взмахов и вращений, словно швырял капельки воды. Он снова казался на грани Просвещения, его лицо нахмурилось в концентрации, когда он повторил движение в разных вариациях, пытаясь понять само движение. Просвещение с помощью боя это то, что иногда происходило, но у Рейна, казалось, были проблемы с усвоением уроков согласно тому, что говорила Сумила. Альсансет уселась с водой в руке, еда была готова и ждала когда Рейн закончит. Альсансет сияла, видя, что ее младший брат становится сильнее с каждым днем.

- Старший капитан, можно поговорить? - Янь выскользнула из темноты, встав рядом, она выглядела мрачной и решительной.

Альсансет хлопнула по земле рядом с собой.

- Маленькая Янь, мы только вдвоем здесь. Можешь называть меня Альсансет. Сядь, я бы с удовольствием поболтала с тобой, - положив руку на слишком худую девушку, Альсансет с усмешкой сказала, - итак, я заметила, что твоя квин принимает ухаживания от Забу. Могу ли я предполагать, что вы с Рейном находитесь в такой же ситуации? Должна ли я просить тебя называть меня сестрой?

Маленькая Янь яростно покраснел на ее прямой вопрос, решительно отрицая это утверждение.

- Нет, вовсе нет, старший капитан...- она остановилась под взглядом Альсансет, - Ты ошибаешься, Альсансет, - она вновь покраснела, - Рейн не знает о последствиях, только думает, что это мило, что Забу ухаживает, - Янь была недовольна этим фактом, от чего улыбка Альсансет стала еще шире.

- Но ты согласна на возможные отношения с Рейном? - Альсансет не выдержала и давила все сильнее. Янь хорошо подходила для Рейна, с их взаимной любовью к квинам и похожим темпераментом, сквернословящая маленькая Стражница заставит Рейна оставаться честным, ее отношение напомнило Альсансет о маме. Янь не мешало признать свой интерес, и тогда Альсансет могла бы начать оценивать реакцию Рейна на брак.

В ответ она лишь нахмурилась.

- Я не знаю. Иногда я думаю о нем в романтическом свете, но я думаю так о многих мужчинах, которых встречаю. Откуда мне знать, любовь это или похоть?

Бедная девочка, некому дать ей совет.

- Ты узнаешь, когда будешь готова узнать. Если ты хочешь поговорить об этом или о чем-нибудь еще, ты всегда можешь прийти ко мне. Мы проливали кровь и разделяли трудности вместе, маленькая Янь."

Наконец, девушка улыбнулась.

- Спасибо, Альсансет, - она почесала покрасневшее лицо, прежде чем продолжить, - я, на самом деле, хочу поговорить о Рейне, но не об отношениях. Я беспокоюсь за него. О его поведении в последнее время.

- Конечно. Я тоже беспокоюсь о нем, но это война. Он хорошо подготовлен к выживанию, но реальность такова, что ты мало что можешь сделать, кроме как молиться за него. Помогите ему, если можете, оплакивая его, если он упадет. Это и есть истина мира. На его способы борьбы страшно смотреть, но он более осторожен со своей жизнью, чем это кажется со стороны, - хотя она говорила эти слова, Альсансет знала, что если Рейн погибнет в бою, она будет безутешна.

Янь снова покачала головой, поджав губы.

- Нет, это не то, что меня беспокоит. Ну, я беспокоюсь об этом, но я не поэтому хотела поговорить. Это о том, что случилось в деревне, - девушка остановилась, закусив губу, когда он разводил огонь, Рейн кипел от ненависти, я видела это в его глазах, он был расстроен и кровожаден в своей ярости. Я думала, что он потом будет безутешен, но когда мы вышли из леса, он был спокоен и собран, - она остановилась и огляделась, прежде чем наклонилась и сказала шепотом, - он собирался пытать Оскверненного, просто чтобы заставить его кричать, чтобы он привлек к нам еще больше Оскверненных. Я остановила его раньше, чем он успел, но если бы меня там не было, он бы это сделал. В тот момент я этого не заметила, но его ярость у него уже угасла, и он был просто... холоднокроев. Перемены в нем начали тревожить меня,

после того, как я все обдумала. Я думаю... что-то. .. могло случиться.

Кровь отлила от ее лица, тяжелый узел беспокойства начал расти в животе Альсансет, понимая, что имела в виду маленький Янь.

- Ты не говорила о своих подозрениях Аканай, или кому-то еще? - даже предположить, что он мог быть осквернен, было бы достаточно, чтобы Рейн был изгнан из Народа, так как немногие хотели бы жить так близко к тому, кто, возможно, был осквернен.

- Нет, конечно нет! Я имею в виду... Я не была уверена, поэтому присматривала за ним, кроме тех случаев, когда он уезжал на битву. С тех пор он не делал ничего тревожного, хотя и кажется нормальным, но я все еще волнуюсь. Он справедлив... слишком спокоен сейчас, слишком расслаблен после каждой битвы. Помните, с Обществом? Как только проливалась кровь, он был таким же героическим, как и все, но пугливым, когда мы не сражались. Его глаза постоянно метались, ища пути к бегству и нападению, почти подпрыгивая при каждом шуме и при каждой тени, под глазами образовывались кольца. Слишком велика перемена в личности за такое короткое время. Единственное, что не изменилось, это то, как много он тренируется.

- Люди адаптируются во время войны. Те, кто не может адаптироваться, умирают, - даже когда она протестовала, Альсансет знала, что слова Янь имеют вес для нее, но все же она не могла принять их, - он не проявлял никаких признаков нестабильности, жестокости или апатии, и хотя он кажется замкнутым, это просто то, кем он является. Папа наблюдал за ним годами, следя, чтобы все было в порядке. Рейн в порядке.

- Это могло произойти совсем недавно, на ранних стадиях. Другие признаки есть, Альсансет. Временами он в замешательстве, я видела это. Он сидит, нахмутив брови, пытаясь собрать что-то в уме. Он чувствителен к свету, всегда закрывает глаза от яркого солнечного света и все время чешется, как будто его кровь сворачивается. Он также не очень много спит, я видела, как он много тренировался, когда я уходила на многие, когда я возвращалась, он все там же тренировался, и тренировался, когда я просыпалась."

Было что-то еще, Альсансет видел, как она сдерживает себя. Она указала жестом, чтобы та заговорила, Янь выглядела расстроенной, когда она сказала: "он искал у тебя помощи в поиске равновесия, чтобы использовать кольцо? Я наблюдала за ним, и он больше не медитирует. Может быть, он медитирует в своей палатке, но Хуу уже несколько дней не делит палатку с Рейном. Он нашел другое жилье, так что все может быть хорошо." слова Янь звучали обнадеживающе, и Альсансет тоже хотела верить в это, но если он был действительно неуравновешенным, несмотря на то, что она ненавидела одну мысль об этом, ей необходимо было принять меры.

- Я была почти уверена, что с ним все в порядке, что я просто зря беспокоюсь, но то, что никто не видел, как он пытается найти равновесие привело меня к вам.

Теперь, когда она думала об этом, ей стали очевидны другие предупреждающие знаки: изменение личности, повышение мастерства и силы, отсутствие проявленных эмоций.

- Ты правильно сделала, что рассказала мне, Янь. Пожалуйста, не говори никому. Мы должны быть уверены вне всяких сомнений. Он мог быть просто неуравновешенным и не желать искать помощи, - глаза Альсансет остановились на Дожде, который продолжал показывать Трепещущие Капли, не подозревая о ее взгляде. Она сидела и молилась Матери, чтобы он остался тем же самым человеком, ее драгоценным братиком, чтобы у него были только

небольшие трудности. Слезы начали капать из ее глаз, но, ожесточив сердце, она сосредоточилась на поставленной задаче, повернувшись, чтобы обсудить с Янь, как лучше всего подойти к Рейну. Возможно, они обе слишком остро реагировали, но все равно она готовилась к худшему.

Если ее младший брат был осквернен, то Рейн, которого они все знали и любили, уже был мертв, и она убьет существо, которое носило его плоть, прежде чем он сможет повредить ее воспоминаниям о нем или, что еще хуже, подвергнуть опасности всех людей. Император истреблял деревни и за меньшее.

Если бы его осквернили, это было бы убийство из милосердия.

Почему она позволила ему стать Стражем?

<http://tl.rulate.ru/book/591/79199>